

Г. С. ВИНОГРАДОВ
ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Публикация А. Н. Мартыновой

В апреле 1976 г. исполнилось 90 лет со дня рождения видного советского ученого, фольклориста и этнографа, литературоведа и диалектолога Г. С. Виноградова.

Г. С. Виноградов — крупнейший советский исследователь детского фольклора. С середины 1920-х годов в «Сибирской живой старине» (вып. 2—9, 1924—1929) появляются его работы, охватившие все стороны детского быта и почти все жанры детского фольклора: «Детский народный календарь», «Детская сатирическая лирика», «Народная педагогика», «Детские игровые прелюдии». Эти работы, по замыслу автора, должны были стать подготовительным материалом для обобщающего свода устной детской поэзии. Но Г. С. Виноградову удалось подготовить и издать лишь первую книгу — «Русский детский фольклор» (Иркутск, 1930), посвященную «игровым прелюдиям» — жеребьевкам и считалкам. Последующие тома должны были быть посвящены другим жанрам: календарному, игровому, потешному, сатирическому, заговорному, сказочному. В заключительной книге свода автор намеревался дать классификацию произведений детского художественного творчества, осветить историю их собирания и исследования, раскрыть теоретическое и прикладное значение их изучения.

Но Г. С. Виноградов не сумел осуществить задуманный им труд. В печати не появилось ни одной его работы обобщающего характера. Поэтому большую научную ценность имеет публикуемая ниже статья, в которой освещен целый ряд вопросов, касающихся детского фольклора: история собирания и попытки изучения, происхождение и источники, специфические черты содержания и поэтики, условия бытования и др.

Статья «Детский фольклор» была написана Г. С. Виноградовым перед Великой Отечественной войной, вероятно, для трехтомника «Русский фольклор», который готовил к изданию сектор народного творчества Института русской литературы АН СССР. До последнего времени статья счита-

лась утерянной.¹ Она была обнаружена в Рукописном отделе Института русской литературы среди неразобранных редакционно-издательских материалов сектора народного творчества.²

Статья публикуется полностью. При подготовке ее к печати библиографические ссылки оформлены согласно современным требованиям. Недостававшие во многих случаях номера страниц и выходные данные дополнены автором настоящей заметки.

1

Детский фольклор в подлинном смысле этого обозначения, т. е. область устных словесных произведений, исполняемых исключительно детьми и не входящих в репертуар взрослых, является новым отделом русской фольклористики, совсем недавно получившим «академическое» признание своих прав на внимание ученых. Правда, отдельные указания на наличие в народной устной поэзии произведений, хранимых детьми, проникали в литературу более столетия назад,¹ но постоянное и устойчивое внимание к ним, зарождаясь с начала шестидесятых годов XIX столетия, укрепляется в семидесятых годах и в последующих десятилетиях.

Первые записи (весьма скромные количественно), которыми начинается у нас непрерывная история собрания произведений детского устной словесности, принадлежат П. И. Якушкину,² В. А. Попову, автору небольшой заметки,³ В. И. Далю в его «Пословицах русского народа»⁴ и «Толковом словаре»,⁵ Г. Н. Потанину.⁶

Как бы объединяя разрозненные проявления внимания к детскому фольклору, П. А. Бессонов в конце десятилетия выпускает

¹ См.: Мельников М. Н. Г. С. Виноградов как собиратель и исследователь детского фольклора. — В кн.: XI научная сессия Новосибирского гос. пединститута, посвященная 50-летию Октябрьской социалистической революции, вып. 3. Новосибирск, 1967, с. 104 (Литература).

² В настоящее время ее шифр: *ИРЛИ*, разр. V, кол. 17, п. 17, № 5. — Рукопись предшествует «Содержание», состоящее из следующих рубрик: «1. Обзор собрания и изучения. 2. Содержание и объем понятия „детский фольклор“. 3. Происхождение и источники детского фольклора. 4. Важнейшие черты из поэтики детского фольклора. 5. Условия бытования и исполнители. 6. Детский фольклор как отдел русской народной словесности».

¹ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 1. Изд. 1-е. СПб., 1818, с. 91; Авдеева К. А. 1) Записки и замечания о Сибири. М., 1837, с. 56; 2) Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842, с. 61—62, 125.

² См.: Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860, с. 177—178.

³ См.: Попов В. А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр. — Вологод. губ. ведомости, 1860, № 49, с. 342.

⁴ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1862.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4. М., 1861—1867.

⁶ См.: Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии. — В кн.: Этнографический сборник Русского географического общества, вып. 6. СПб., 1864, с. 59—60.

книгу, посвященную исключительно этой теме, — «Детские песни».⁷ При значительном объеме (270 страниц малого формата) книга заключала в себе все важнейшие виды детской устной поэзии. При каждой группе текстов были даны пояснения, касающиеся их смысла, характера исполнения и пр.

Намерения Бессонова издать «Детские песни» в трех томах не были осуществлены.⁸ Теоретические взгляды на смысл и значение детского фольклора им выражены — почти через тридцать лет — в названной уже брошюре «К вопросу о собирании и издании памятников народного песнотворчества» (с. 28—35). В детской устной поэзии он ищет ответов на вопросы о том, «как и на чем вырастают <...> в народе творческие песенные силы по ступеням и летам возраста, какими стихиями питаются „врастающие в жизнь новые людские поколения“, в каком зачатке формируются здесь образы поэтические при малых еще собственных средствах детей» и т. п. И другая сторона детской народной поэзии привлекает его: «... в массе лепета, детской болтовни, прибауток и кажущихся пустяков порою выпукло выдаются отголоски далекого исторического прошлого». Автор статьи склонен черпать из этого источника значительно больше того, что он может дать, но основная высказываемая мысль, безусловно, правильна. Песня детей — «не одна только шалость и забава»: иногда она «рисует нам быт отдаленнейшей древности, а в нем и самую историю народа».

«Детские песни» Бессонова, предназначенные прежде всего для семьи и воспитателей (поэтому и отозвалась на их появление в свет педагогическая и общая современная печать: «С.-Петербургские» ведомости, 1868, № 110 и 1870, № 130; «Русский», 1868, № 22; «Народная школа», 1869, № 1 и др.), заключали в себе не только произведения детского фольклора, но и тексты из области поэзии пестования. Это соединение двух разных областей фольклора в одной теме, или в одном наименовании, надолго вошло в литературу, внося неясность в научную постановку вопроса. Но и положительное влияние, оказанное книгой на последующие изучения детского фольклора, несомненно: автор ее пользовался репутацией хорошего знатока детской поэзии и в свое время играл роль инициатора в деле собирания и изучения относящихся к этой области материалов. К нему примыкают многие из этнографов, отдавших свое внимание детской народной поэзии; в частности, в Казани образовалась особенно старательная группа лиц, преданных идее изучения детского фольклора: А. Ф. Можаровский, К. С. Рябинский и др. Попытку определить значение Бессонова в истории изучения детского фольклора дала

⁷ Бессонов П. А. Детские песни. М., 1868. — История создания и появления этой книги в свет рассказана автором позднее в его брошюре «К вопросу о собирании и издании памятников народного песнотворчества» (М., 1896, с. 31—32).

⁸ См. программу издания его материалов: Киев. унив. изв., 1897, № 2, Прибавл. 4, с. XXII—XXIII.

О. И. Капица в сборнике, изданном Русским географическим обществом.⁹

Шестидесятые годы XIX в. представляют собою период в изучении русского фольклора, когда детская устная поэзия была прочно и обоснованно внесена в программу будущих изучений. На рубеже следующего десятилетия П. В. Шейн отводит особый отдел детскому фольклору в своем собрании,¹⁰ где помещает тексты из Московской, Тверской и Тульской губерний с распределением их на группы, с указанием мест записи и т. д. Почти одновременно вышел труд В. Ф. Кудрявцева,¹¹ вскоре были напечатаны тексты из области детской устной словесности Д. Н. Садовниковым,¹² а затем материалы по приволжскому детскому фольклору нашли место в труде А. Ф. Можаровского.¹³ К записям с Севера (у Даля) прибавились тексты, которые сообщил П. С. Ефименко,¹⁴ в следующем году были напечатаны материалы, собранные И. Голышевым.¹⁵

Семидесятые годы обогатили изучение детского фольклора не только большими вкладами сырых материалов из разных мест страны. Полемика между Н. И. Костомаровым и Ф. И. Буслаевым¹⁶ коснулась вопросов, связанных с устной детской поэзией, способствовала уяснению задач ее изучения, вводила в круг внимания русского читателя и ученого иноязычный детский фольклор. В середине 1880-х годов напечатана статья И. П. Хруцова,¹⁷ тогда же вышел широко известный труд Е. А. Покровского,¹⁸ со-

⁹ Капица О. И. Первый сборник детского фольклора. (Памяти П. А. Бессонова). — В кн.: Детский быт и фольклор. Л., 1930, с. 11—12.

¹⁰ См.: Шейн П. В. Русские народные песни. М., 1870, с. 1—82.

¹¹ См.: Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии. — В кн.: Нижегородский сборник, т. 4. Изд. Нижегород. губ. стат. комитета, 1874, с. 167—238.

¹² См.: Садовников Д. Н. Этнографические материалы Поволжского края. — Симбир. губ. ведомости, 1874, № 46, 47, 51.

¹³ См.: Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, островах, стишках и песнях. — Тр. Этногр. отд. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1877, кн. 4, с. 102—139.

¹⁴ См.: Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1. М., 1877, с. 153—156 (Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии (Тр. Этнограф. отд.), 1877, т. 30, кн. 5, вып. 1).

¹⁵ См.: Голышев И. Детские песни в слободе Мстере Вязниковского уезда. — В кн.: Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, т. 2. Владимир, 1878, с. 89—97.

¹⁶ См.: Костомаров Н. И. Великоорусская народная песенная поэзия. — Вестн. Европы, 1872, т. 6, с. 540—541; Буслаев Ф. И. Сравнительное описание народного быта и поэзии. — Рус. вестн., 1872, т. 102, с. 692—693.

¹⁷ См.: Хруцов И. П. О материалах для этнографии уличной жизни детей, собранных К. С. Рябинским. — Изв. Рус. геогр. о-ва, 1885, т. 21, вып. 6, с. 540—551.

¹⁸ См.: Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1887 (изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1895).

держащий в описаниях игр связанные с ними произведения устной поэзии из разных мест России — из губерний Вятской, Владимирской, Тверской, Тульской, Симбирской, Тобольской и с Кавказа. За год перед тем учителями станичных и городских школ на Кавказе был опубликован — по инициативе Покровского — материал, относящийся к области игр, забав и словесности детей казачьих станиц Кубанской и Терской области.¹⁹ В последнее десятилетие прошлого века материалы, относящиеся к детскому фольклору, пополнились статьями Н. А. Иваницкого,²⁰ И. В. Нечаева,²¹ В. Н. Ястребова,²² Г. Н. Потанина.²³ В 1900 г. П. В. Шейн, повторив материалы детской устной словесности в своем «Великорусе»,²⁴ прибавил большое количество нового материала из разных губерний (Рязанской, Курской, Владимирской, Самарской и пр.), еще раз подчеркнул обособленность детского фольклора, дав опыт его систематизации и характеристики разных его видов и подразделений.

С первого же года нового века накопление материалов по детскому фольклору пошло с большим оживлением. В. И. Чернышев дает новые материалы в хороших записях из Владимирской губернии.²⁵ В. С. Арефьев в напечатанных тогда же «Образцах народной словесности»²⁶ поместил тексты произведений разных видов детской словесности, дав краткие сведения о назначении и использовании их. Монография И. Я. Неклепаева²⁷ включает в себя отдел детских игр с относящимися к ним словесными произведениями. Д. К. Зеленин в «Отчете о диалектологической поездке в Вятскую губернию»²⁸ сообщил тексты (часть из них —

¹⁹ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 5. Тифлис, 1886, с. 119—208.

²⁰ См.: Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. — Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1890, т. 69, с. 156—164.

²¹ См.: Нечаев И. В. 1) Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда Казанской губернии. — В кн.: Живая старина, вып. 4. СПб., 1891, с. 214—226; 2) Игры деревенских детей Лаишевского уезда. — Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, 1894, т. 11, вып. 6, с. 495—510.

²² См.: Ястребов В. Н. Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894, с. 88—108.

²³ См.: Потанин Г. Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотмы. — В кн.: Живая старина, вып. 2. СПб., 1899, с. 167—235.

²⁴ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1. СПб., 1898, с. 3—51.

²⁵ См.: Чернышев В. И. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 70, № 7. СПб., 1901, с. 1—205.

²⁶ См.: Материалы по этнографии Енисейского уезда. — Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1901, т. 32, кн. 1—2, с. 3—4.

²⁷ См.: Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. — Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1903, кн. 30, с. 87—93.

²⁸ См.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 2. СПб., 1903, с. 26, 35, 80, 87 и др.

в отрывках) произведений преимущественно игрового фольклора из малоизученной географической области.

Богатый содержанием труд В. Н. Добровольского²⁹ представляет большой интерес для изучения и быта, и устной словесности детей. Весьма разнородный материал для изучения детского быта и фольклора сообщен в работе П. Н. Тиханова,³⁰ где на многих страницах разбросаны сведения, тексты и замечания к ним наблюдателя, между прочим о переходе обычаев в детскую среду (с. 182—183, 200), о заимствовании некоторых игр у соседящих народов (с. 187), справки по истории игр (с. 192). Небольшой материал по детскому фольклору сообщает М. Г. Халанский в своем труде,³¹ из той же географической области опубликованы записи Е. Рязановой.³² Годом раньше вышел труд А. И. Мякутина,³³ содержащий тексты разных жанров детской устной словесности. Около того же времени опубликовал свои наблюдения Г. Цейтлин,³⁴ снабдив их интересными указаниями и разъяснениями. Тогда же Б. Г. Герасимов в содержательном очерке³⁵ уделил внимание детскому быту, в частности детским играм и игровому фольклору, предваряя тексты краткими и вместе с тем обстоятельными указаниями и пояснениями относительно их использования и характера исполнения. Вскоре были опубликованы «Записки» о быте прибайкальского населения А. М. Станиловского,³⁶ содержащие тексты произведений детской поэзии нескольких жанров. Вслед за ними вышла в свет содержательная этнографическая монография А. Н. Молотилова,³⁷ автор которой оказался осведомленным и в области детского быта и фольклора. Обильный и разнородный материал сообщен А. Н. Соболевым в его со тщанием выполненном труде.³⁸ К нему и тематически, и

²⁹ См.: Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. ч. 4. М., 1903.

³⁰ См.: Тиханов П. Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 4. СПб., 1904, с. 180—209.

³¹ См.: Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 76, № 5. СПб., 1904, с. 325, 372, 378.

³² См.: Рязанова Е. Материалы по этнографии Курской губернии. — Тр. Курск. арх. комис., 1911, вып. 1, с. 177—184.

³³ См.: Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков, вып. 4. СПб., 1910, с. 8—14.

³⁴ Цейтлин Г. Народные игры в Поморье. — Изв. Архангельск. о-ва изучения русского Севера, 1911, № 13, с. 111.

³⁵ См.: Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. — Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1911, вып. 5, с. 1—115.

³⁶ См.: Станиловский А. М. Записки Антона Михайловича Станиловского. — Тр. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1912, № 7, с. 167—171.

³⁷ См.: Молотилов А. Н. Говор русского старожилого населения Северной Барабы. — Тр. Томск. о-ва изучения Сибири, 1913, т. 2, вып. 1. с. 33—219.

³⁸ См.: Соболев А. Н. Детские игры и песни. — Тр. Владимир. учен. арх. комис., 1914, кн. 16, с. 1—48.

топографически примыкает заслуживающая внимания статья Г. К. Завойко.³⁹ Игровой детский фольклор содержится в книге Б. М. и Ю. М. Соколовых.⁴⁰ Значительное собрание текстов из области детского фольклора, собранных в разных местах Семипалатинской области и Змеиногорского уезда Томской губернии, помещено В. Н. Белослюдовым.⁴¹ Здесь же следует упомянуть об относящемся к последним же предреволюционным годам труде Е. Ф. Карского.⁴² То, что говорит автор о белорусском детском фольклоре, в полной мере приложимо к нашей детской поэзии. К тому же он почти во всех случаях дает сопоставления белорусского материала с великорусским и украинским. Автор выделяет его из отдела произведений, составляющих поэзию пестования, как «песни собственно детские», хотя и отмечает черты их близости или даже общности. «Песни собственно детские» он делит на группы: «песни о дожде», «насмешки над именами», песни «полународного происхождения, пародирующие азбуку или счет», и др.

Большое внимание вызвали вопросы изучения детского фольклора после Великой Октябрьской революции. В 1920-х годах выходит в свет статья А. М. Поповой,⁴³ почти одновременно начинают появляться работы М. М. Зимина⁴⁴ и др.

Этот основной фонд печатных материалов, накопленных в продолжение столетия стараниями многих тружеников, восполняется рукописными собраниями некоторых научных обществ, доступ к самому богатому из собраний, принадлежащему Географическому обществу, облегчается замечательным трудом Д. К. Зеленина.⁴⁵ Обзор накоплений (заведомо неполный, но указывающий все сколько-нибудь существенное) показывает, какие географические области удовлетворительно представлены материалами, какие слабо или совершенно не представлены. В общей же сложности собран большой материал, но если обратить внимание на то, когда и где печатался этот материал, то станет понятно, что, будучи разбросанным по многочисленным редким и потому малодоступным изданиям, он не поддается общему охвату. Уже в силу одной этой причины он до сих пор остается крайне малоизучен-

³⁹ См.: Завойко Г. К. Колыбельные и детские песни и детские игры у крестьян Владимирской губернии. — Этногр. обозр., 1915, № 1—2, с. 119—133.

⁴⁰ См.: Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. 486.

⁴¹ См.: Белослюдов В. Н. Материалы по этнографии. — Зап. Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва, 1917, вып. 11, с. 1—3.

⁴² См.: Карский Е. Ф. Белорусы, т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Народная поэзия. М., 1916, с. 231—235.

⁴³ См.: Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне. — Сибирская живая старина, 1923, № 1, с. 106—120.

⁴⁴ См.: Зимин М. М. Жизнь костромских деревенских детей в народной поэзии. — Октябрь, Кострома, 1926, № 4, с. 53—58, № 7—8, с. 65—67.

⁴⁵ См.: Зеленин Д. К. Описание рукописей архива Русского географического общества, вып. 1—3. Пг., 1914—1916.

ным. Такое положение сохранится до тех пор, пока не будет создан полный свод накопленных материалов, относящихся к области детской устной словесности. Говоря о малой степени изученности русского детского фольклора, нужно все же иметь в виду, что начало теоретической разработки относящихся сюда вопросов можно считать положенным. Некоторые собиратели свои записи, как сказано, сопровождали пояснительными замечаниями и попутными суждениями о смысле и значении наблюдаемого, делали попытки классификации материала.

Первые попытки классификации произведений детского фольклора нужно видеть в принимаемом разными собирателями порядке распределения материалов по группам на основании тех или иных признаков (А. Ф. Можаровский, П. В. Шейн и др.). Такие практические, теоретически не объясненные классификации не охватывают всего состава относящихся к вопросу материалов, тем не менее они вносят необходимый порядок в материал, определяют характерные черты и намечают основные (по крайней мере некоторые) особенности произведений, давая возможность выделить главнейшие их группы. В них можно усматривать раннюю стадию изучения детского фольклора или во всяком случае подсказ и указания этнографам-филологам на тему в нескольких ее разветвлениях и на желательный характер ее разработки. Ответом на эти указания послужили принадлежащие мне этюды, статьи и заметки, выходявшие на протяжении почти целого десятилетия (1924—1930 гг.).⁴⁶

В «Детском народном календаре» дан опыт постановки вопроса об особом отделе народоведческих изучений — о детской этнографии, обнимающей все стороны быта и творчества детей, в частности и детскую устную словесность. В этой работе, сверх того, приведен материал текстов и наблюдений и небольшое количество записей мелодий детских песен. Книжка «Детский фольклор и быт», написанная как практическое руководство к наблюдению над бытом, устной художественной словесностью и языком детей, содержит попытку определить объем и содержание понятий «детская этнография» и «детский фольклор», объяснить теоретическое и прикладное значение изучения детского быта и детской устной поэзии. «Детская сатирическая лирика» представляет собою этюд, посвященный установке термина «детский фольклор» и изучению одной обособленной группы фольклора: выяснению характера детской сатиры, классификации и

⁴⁶ Главнейшие из них: Детский народный календарь. — Сибирская живая старина, 1924, № 2, с. 55—86, и отдельно; Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925; Детская сатирическая лирика. — Сибирская живая старина, 1925, № 3—4, с. 65—106 и отдельно; Детские игровые прелюдии (там же, 1928, № 7, 1929, № 8—9; эти публикации составили первые девять глав книги «Русский детский фольклор» (кн. 1, Иркутск. 1930)); Из наблюдений над детским потешным фольклором. — В кн.: Детский быт и фольклор. Сб. 1. Л., 1930; Дитяча казка. — Бюл. Етногр. комис., 1930, № 14.

описанию различных видов сатиры, установке связанных с ними частных названий и обозначений. Этюд на украинском языке «Дятяча казка» написан с целью уяснения и разграничения понятий «детская сказка» и «сказка для детей». Монография «Детские игровые прелюдии» посвящена исследованию самого популярного и самого обширного отдела устной словесности — «считалкам». Она состоит из двадцати глав, примечаний, дополнений и текстов. В нее входят справка о записях текстов считалок на протяжении столетия, вопрос о происхождении этого жанра, классификация считалок, трактовка их как разновидности заговоров (в чем автор нашел единомышленника в лице Зеленина), вопросы о языке, об отражении считалок в творчестве поэтов и музыкантов. Вокруг этих работ возникла небольшая литература в виде статей и отзывов.⁴⁷

В 1928 г. вышла статья О. И. Капицы,⁴⁸ в которой даны обзор исследований и материалов и классификация изучаемых явлений; затем статья «Поэзия крестьянских детей»,⁴⁹ где указаны общие вопросы, связанные с трактуемой темой, задачи изучения произведений детского фольклора и характеристика их; «Детский фольклор»⁵⁰ — книга, содержащая в себе историю собирания и изучения, описание отдельных видов детского фольклора, главы, посвященные поэтике, теме о «культурных переживаниях» в произведениях детской устной поэзии и пр. «Детский фольклор» напоминает книгу из серии «Handbücher zur Volkskunde»: K. W e h r h a n. *Kinderlied und Kinderspiel*. Leipzig, 1909 — и представляет собою первый в русской литературе опыт обзора детской устной словесности, не свободный, однако, от некоторых недочетов. При попытках определить объем и содержание термина «детский фольклор» автор не имеет стойкого и четкого критерия для отнесения той или иной группы произведений к объекту его специального рассмотрения, поэтому в состав детского фольклора включены и произведения, лишь условно сюда относимые: колыбельные песни и тому подобные произведения из области материнской поэзии, или, что то же, поэзии пестования. Глава о поэтике и некоторые другие написаны поверхностно. Все же с выходом книги Капицы в свет заполнился пробел в изучении русского дет-

⁴⁷ См.: Азадовский М. К. Беседы собирателя. Иркутск, 1924; Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Поэзия деревни. М., 1926, с. 136; Муратов М. В. Предисл. — В кн.: Петров В. В. Быт деревни в сочинениях школьников. М., 1927; Капица О. И. 1) Детский фольклор. Л., 1928, с. 26—28; 2) Библиография по детскому быту, фольклору и языку. — В кн.: Детский быт и фольклор. с. 42—44. — В известной мере эти работы отразились на последующем изучении детского фольклора (ср.: Попова А. М. Детские игры и забавы в сибирской деревне; Заглада Н. Побут селянсько дитини. Київ, 1929).

⁴⁸ См.: Капица О. И. К вопросу об изучении детского фольклора. — Изв. Рус. геогр. о-ва, 1928, т. 60, вып. 1, с. 59—79.

⁴⁹ См.: В помощь просвещенцу. Ежемес. Наркомпроса АК ССР, 1928, № 3—5, с. 28—39.

⁵⁰ См. упоминавшуюся выше книгу О. И. Капицы «Детский фольклор».

ского фольклора. Она снабжена указателем литературы, который можно рассматривать как первый опыт библиографии по поставленной теме; он не может считаться безупречным в отношении полноты, но почти все существенное в нашей литературе в нем перечислено. Разбросанные в разных местах книги сопоставления русских текстов с иноязычными, при всей их случайности, представляют интерес, намечая вопрос о сравнительном детском фольклоре; полезны и указания на литературу о детском фольклоре на иностранных языках. Не являясь крупным вкладом в исследование детской устной словесности, этот описательный по своему характеру труд для лиц, занимающихся ее изучением, может служить удовлетворительным и к тому же единственным справочником.

Через два года после выхода в свет этой книги опубликованы две статьи, посвященные обзору изучений и рассмотрению методов изучения детской устной поэзии, в издании Всеукраинской Академии наук⁵¹ и два содержательных обзора изучений детского фольклора — русского и английского — в сборнике, изданном под редакцией О. И. Капицы Русским географическим обществом.⁵² Более подробный обзор деятельности О. И. Капицы в области детской устной словесности дан в ежегоднике «Советский фольклор».⁵³ В тот же промежуток времени (1928 г.) в Праге вышла книга С. П. Орлова,⁵⁴ дающая материал для сравнительного изучения (в пределах славянских языков) некоторых групп игрового фольклора.

В десятилетие, протекшее после выхода в свет последних специальных трудов, упомянутых здесь, наша литература обогатилась весьма скромными вложениями в нее. Заслуживают упоминания страница из статьи Н. П. Колпаковой-Карзубовой,⁵⁵ статья М. А. Рыбниковой⁵⁶ и несколько других. Накопление материалов продолжается в хранилищах научных учреждений.⁵⁷

Подводя итог, можно сказать, что к началу 1930-х годов текущего века оказались выясненными все главнейшие печатные, а частью и рукописные источники изучения русского детского

⁵¹ См.: Капица О. И. Дитячий фольклор. — Бюл. Етногр. комис., 1930, № 14, с. 3—13.

⁵² См.: Капица О. И. Библиография по детскому быту, фольклору и языку (с 1917 по 1928 гг.); Обзор некоторых трудов по детскому фольклору на английском языке. — В кн.: Детский быт и фольклор, с. 42—56.

⁵³ См.: Виноградов Г. С. О. И. Капица. (Некролог). — Сов. фольклор, 1940, № 7, с. 235—239.

⁵⁴ См.: Orlov S. P. Hry a pisně děti slovanských. Praze, 1928.

⁵⁵ См.: Колпакова-Карзубова Н. П. Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 235—236.

⁵⁶ См.: Рыбникова М. А. Детский фольклор и детская литература. — Лит. критик, 1935, № 1, с. 154—169.

⁵⁷ См.: Астахова А. М. Рукописное хранилище при фольклорной секции Института антропологии и этнографии Академии наук. — Сов. фольклор, 1935, № 2—3, с. 435 и след.

фольклора; подвергнут общему обозрению весь состав детского фольклора; довольно полно изучены некоторые — немногие — его виды; понята важность сравнительного изучения детского фольклора, в связи с этим обращено внимание на иноязычный детский фольклор; детская устная словесность введена в планы учебных занятий;⁵⁸ созданы руководства по собиранию и изучению памятников детского фольклора. Учреждением особой постоянной комиссии при Отделении этнографии Русского географического общества (1927 г.) детский фольклор был авторитетно признан достойным внимания ученых отделом науки о народном художественном творчестве в слове. Одновременно с некоторым безучастием и невниманием к детскому фольклору в широких общественных кругах происходит высокая оценка его в новой художественной литературе. В беллетристических произведениях последних десятилетий обращает на себя внимание одна особенность: привлечение писателями (можно назвать А. Н. Толстого, О. Д. Форш, М. А. Шолохова, Л. Н. Сейфуллину, В. А. Каверина) текстов из области детской устной словесности. Явление это не ново (Д. В. Григорович, Н. Кохановская, П. Н. Мельников-Печерский, позднее И. А. Бунин и др.), но прежде сравнительно редкое и малоприметное, у новейших писателей оно стало настолько заметным, что могло бы быть предметом специального суждения. В новейшей литературе закреплена почти вся область детского фольклора, представленная несколькими видами и разновидностями. Эти виды и разновидности оказались замеченными большими и малыми художниками слова и вошли в литературу, получили оценку в теоретических высказываниях М. Горького.⁵⁹

2

Выделение детского фольклора из обширной области народной словесности подсказано специфическими его особенностями. Детский фольклор включает в себе такие жанры, которых нет в устной словесности взрослых; если некоторым жанрам детского фольклора и можно указать соответствие в устной поэзии, то только по отдельным признакам. Бытование произведений детского фольклора и носители его также различны в сравнении с тем, что мы знаем о фольклоре взрослых. Наличие этих различий будет понятно, если дать себе ясный отчет в том, какое место занимает устная поэзия в детской среде. Детский быт в целом, детские игры, забавы, развлечения, песни и труд, отношения к миру взрослых, к миру животных и растений и пр. не могут изучаться без знания общих условий детской жизни; их следует изучать не вы-

⁵⁸ См.: Бродский Н. Л., Гусев В. Е., Сидоров Н. П. Русская устная словесность. М., 1924, с. 48; Азадовский М. К. Сибирские темы в народной словесности. Иркутск, 1925, с. 6.

⁵⁹ См.: Горький А. М. Литература — детям. О литературе. Статьи и речи 1928—1935 гг. М., 1935, с. 157—159.

рванными, а в условиях реальной обстановки, реальной жизни во всех ее проявлениях. Детская жизнь — не соединение разрозненных частей, а живое единство. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от норм неписаного («обычного») права и т. д. Нужно целостное изучение детского быта. Детство — его мир и быт — имеет свои особенности, в силу которых должен быть выделен для изучения ряд специальных вопросов, объединяемых в термине «детская этнография», в область которой входит существенным звеном и детский фольклор.⁶⁰ Являясь элементом обособленного детского быта и обособленной детской жизни, детская устная поэзия, можно судить априорно, будет своеобразным, особым явлением в области народной словесности. Отсюда вытекает определение: термин «детский фольклор» обнимает собою всю совокупность разных видов словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых; другими словами, термином «детский фольклор» обнимается то, что создано в слове самими детьми, и то, что, не будучи созданием детских поколений, вошло со стороны в их репертуар, выпав из репертуара взрослых.

Становясь в то или иное отношение к этому определению, надо помнить, что дело не только в формальном установлении или принятии термина, но в правильном понимании содержания обозначаемого им объекта изучения и тем самым в правильном ходе исследования, поисков и в правильном приложении методов.

Для детского фольклора при настоящем уровне знаний о нем может быть предложена классификация только приблизительная, умещающая в своих подразделениях главнейшие виды входящих сюда произведений в грубых очертаниях. Это не классификация в терминологическом смысле слова, возможная только при более или менее полной изученности всей совокупности подлежащего исследованию материала, а предварительное и имеющее временное значение размежевание различных частей материала, необходимое в целях общего обзора предмета исследования в целом и в целях выделения по тем или иным признакам легко обособляющихся одна от другой частей для специального рассмотрения.

Обозреваемую область устного творчества по некоторым характерным признакам составляющих ее произведений можно разбить на несколько значительных по объему групп и отделов.

1. С разными условиями, обстоятельствами или рядовыми событиями крестьянской детской жизни связано исполнение разнородных произведений, которые можно обозначить как область бытового фольклора.

Одну подгруппу их составляют краткие стихотворные двустишия и четверостишия (другие объемы и формы редки): шуточные

⁶⁰ См.: Виноградов Г. С. 1) Детский народный календарь, с. 3—10; 2) Детский фольклор и быт, с. 5—10.

поздравления с обновой («обновка»), формулы прощания при ежедневном расставании с товарищем, с подругой («на прощанье», «на дорожку»), обращения к товарищу или подруге с просьбой чем-нибудь поделиться, что-нибудь одолжить («попрошайка»), песенки с перечислением дней недели, наконец, песенки, ни с чем не связанные, имеющие, так сказать, запасное значение. Все эти произведения исполняются обычно в домашней обстановке.

Другую подгруппу произведений бытового фольклора составляют приговорки или песенки, исполняемые вне дома — в поле, в лесу, на реке: за околицей при встрече коров, идущих с пастбища, в лесу при разрывании муравьиных куч, по дороге в лес за грибами, за ягодами, на обратном пути из леса, причем одни песенки связываются с желанием заранее узнать исход предприятия, исполнение других имеет целью обеспечить удачу в рыбной ловле, в поиске ягод или грибов. Этот круг произведений сельскохозяйственной детской словесности, прикрепленных к разным моментам несложного участия детей в заботах повседневной жизни взрослых, переплетается с другими циклами — произведениями календарного фольклора и магической поэзии.

2. Особую группу словесных произведений обнимает детский календарный фольклор. Он представлен преимущественно песнями, приуроченными к каким-либо приметным дням в году (к «календарным датам») и соединенными иногда с какими-нибудь обрядами. В прежнее время всюду были известны новогодние посещения детьми соседских домов с «посеваньем» (разбрасыванием по полу) хлебных зерен и пением поздравлений-благожеланий хозяевам с добавлениями в виде песенного выражения благодарности за дар или в виде песен-зложеланий скупому хозяину, не ответившему каким-нибудь даром на песенное приветствие; столь же известны были рождественские припевы — стихотворные прибавления к церковной праздничной песне, колядки или рацейки, которые исполнялись детьми при посещении домов односельчан. Праздник масленицы в некоторых местностях также сопровождался обрядами (сжигание соломенной куклы) и песнями, исполняемыми детьми под окнами чужих изб. Обычай приветствовать обрядом и детским пением жаворонков (9 марта по старому стилю) был распространен повсеместно. Известен был весенний обычай исполнения детьми песни-обращения к Егорию Храброму в день первого выгона на пастбище скота. На исходе весны и при наступлении лета также исполнялись детьми обряды и песни (похороны «Костромы» и др.). Почти все эти обряды, несшие магическую функцию, и связанные с ними песни прежде исполнялись взрослыми или взрослыми с участием детей,⁶¹

⁶¹ См.: Харузина В. Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. — Этногр. обозр., 1911, № 1—2, с. 1—78.

но уже в начале XIX в. можно наблюдать, как многие обычаи, обряды и песни уходят из обихода взрослых и составляют содержание детской обрядовой поэзии.⁶² Процесс перехода произведений этого цикла из одной среды исполнителей в другую длился на протяжении всего прошлого и первых десятилетий нового столетия во всех частях страны, причем в одних местностях он совершался быстрее, в других — медленнее.⁶³ С переходом в детскую среду обряд упрощался; относящиеся к нему словесные произведения соответствующим образом видоизменялись, принимая меньший объем и более простую форму. В новом столетии календарный фольклор забывается и детской средой. Теперь этот отдел словесных произведений, отмирающих в жизни, занимает внимание ученых по праву давности в составе народной словесности и в специальной литературе, — по праву, обеспечиваемому за ним количественным и качественным богатством относящихся к нему произведений, и, наконец, по праву методологических удобств, обусловленных тем обстоятельством, что этот вид фольклора имеет законченный цикл существования: сравнительно легко проследить возникновение, распространение и последующие стадии его жизни; он на глазах историка народного быта выпал из состава фольклора взрослых, вошел в репертуар исполнителей из детской среды и теперь окончательно исчезает.

3. Магические тексты в детской устной словесности представлены некоторыми произведениями календарного и немногими — бытового фольклора. Но магическая функция их или затушевана не всегда понятным по назначению и смыслу обрядом, или не столь ясно обозначена в полупутливой форме произведения. Более четко и более вразумительно выражена эта функция в детских песенных заговорах и магических формулах.

Детские песенные заговоры, или заговоры-обращения, исполняются с целью вызвать желаемое действие со стороны животного, растения, явления природы. Таковы всемирно известные в разных вариациях обращения в стихотворной форме к божьей коровке, к жучкам, кузнечикам, к улитке, к ящерице, коршуну, воронам, галкам, чайке, гагаре, к растениям, к солнышку, дождю, ветру, радуге и др. У одних просят «соку», «молочка», показать рога; других просят пролететь мимо, не клевать и т. д.⁶⁴

Исполнением больших и малых обращений к воде обставлено летнее купанье; обращение к мышке или кошке-мышке с прось-

⁶² См.: Владимирова П. В. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, с. 74—102; Коробка Н. И. Опыт обзора истории русской литературы, ч. 1, вып. 1. СПб., 1909, с. 34—35.

⁶³ Поэтому в этнографической литературе и наблюдаются такие случаи: в одной местности произведение записано в отделе детской словесности, в другой тот же текст (или его вариант) отмечается как произведение, исполняемое взрослыми.

⁶⁴ Ср.: Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890, с. 322—323; Виноградов Г. Детский фольклор и быт, с. 26—28.

бой помочь вылить воду из ушей после купанья весьма распространено.

В числе песенных заклинаний встречаются и такие тексты, в которых мотивы подобных обращений служат только обрамлением мыслей и эмоций совершенно иного порядка (шутки, смешки, угрозы и под.).

Магические формулы представляют собою краткие (однословные или в один, в два стиха) словесные произведения, которые произносятся то пением-речитативом, то говорком про себя — по разным поводам: с целью закрепить за собою право на находку (чуранье), с целью наслать неудачу соперникам в игре (в городки, в бабки и т. п.), обеспечить собственный успех в ней. Не являясь органически связанным с какой-либо определенной игрой, т. е. не будучи ее частью или составным элементом, по желанию и усмотрению играющего магические формулы могут приурочиваться к некоторым ее моментам.⁶⁵

4. По количеству входящих произведений самой значительной окажется группа, для названия которой может служить термин «детский игровой фольклор», т. е. совокупность словесных произведений, имеющих не самодовлеющее значение, но входящих составными частями в более сложное образование — в игру. В пределах этого вида надо различать три подгруппы.

К первой относятся песенки, связанные с так называемыми формальными, постоянными играми. Игровые песни различаются между собою в зависимости от целевого назначения: одни полагают начин игре, другие служат для связи ее частей, третьи несут службу концовок; иные вводятся для замедления действия игры или в целях отвлечения внимания некоторых участников от ответственного момента игры и т. д.⁶⁶ Их назначением определяется их объем, строй, размер.

Вторую подгруппу образуют игровые прелюдии: молчанки, жеребьевки и считалки.

Термином «считалка» («счет», «счетка», «считка», «пересчет» и т. п.) обозначаются рифмованные произведения, используемые в качестве пролога или прелюдии к некоторым играм с целью установления роли участников игры или очереди начинать игру.⁶⁷

Прелюдией или прологом к играм, требующим разделения участников на две группы, служит жеребьевка — рифмованное произведение, состоящее обычно из обращения и вопроса.⁶⁸

В некоторых детских играх прелюдия разрастается настолько, что заслоняет собою главную часть игры или самую

⁶⁵ См.: Виноградов Г. Детский фольклор в школьном курсе словесности. — Родн. яз. в школе, 1927, № 2, с. 5.

⁶⁶ См.: Покровский Е. А. Детские игры... (в особенности глава «Игры с песнями и хороводами»); Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и «метище». — В кн.: Крестьянское искусство СССР, т. 2. Л., 1928, с. 201—234.

⁶⁷ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 8—134.

⁶⁸ Там же, с. 7, 113—114.

игру, перенося в действие только конец ее, развязку. Такова, например, игра «в молчанки», начинающаяся прелюдией-уговором, в которой определяются последствия нарушения молчания. Название игры переносится и на прелюдию-уговор: она тоже называется молчанкой.⁶⁹

К третьей подгруппе можно отнести произведения такого же в общем строения, что и молчанки, но связанные с игрой, имеющей совершенно иные, можно сказать — противоположные, задачи; это игра «в голосянки» («голосянку тянуть»), имеющая прелюдией-заправкой небольшое редко рифмованное произведение в 2—4 стиха, называемое голосянкой и исполняемое (хором) четким речитативом без каких-либо пауз.⁷⁰

5. К этой группе словесных произведений очень тесно примыкает потешный фольклор. Отличительной особенностью входящих сюда произведений, мешающей им слиться с произведениями игрового фольклора, является шуточный, забавный их характер. Эту группу составляют стихотворения, связанные с играми-импровизациями и — чаще — с забавами.

Здесь следует назвать весьма многочисленные забавы-звукоподражания, часто развертывающиеся в законченное словесное произведение (типа: «Тилинь-бом, загорел у кошки дом» и т. д.), исполняемые или одним голосом, или хором.⁷¹

К ним близки очень распространенные среди грамотных и неграмотных ребят тексты устной школярной словесности (типа: «Ер, еры — упал с горы» и т. д.), не всегда, правда, исполняемые пением. Изводом из школярной поэзии являются известные переключки с невидимкой (типа: «Кто была первая дева?». Эхо отвечает: «Ева»).⁷²

К потешному фольклору должен быть отнесен вид словесных произведений, которые называются у исполнителей (по забаве, с которою они связаны, и по начальному слову этих произведений) сечками, или секушками. В них задано число, которое требуется «высечь», не прибегая к счету. Они исполняются нарспев или — пожалуй, чаще — скандовкой, причем исполнитель быстро и мерно, в такт ударяет острым камнем, ножом, пером и т. п. по бумаге, по дереву. Число отметин при правильной скандовке отвечает заданному.⁷³ Чтением-скандовкой исполняются и скакалки, употребляемые при забаве, выражающейся в разных видах скаканья на одной ножке.⁷⁴

⁶⁹ Там же, с. 6, 112—113.

⁷⁰ Там же, с. 6—7, 113.

⁷¹ См.: Смирнов И. Т. Кашинский словарь. СПб., 1901, с. 38 (под словом «дон»).

⁷² Школярная словесность наиболее полно представлена произведениями календарного фольклора: детскими колядками, рацейками.

⁷³ См.: Виноградов Г. С. Из наблюдений над детским потешным фольклором, с. 13—21.

⁷⁴ Там же, с. 43.

Произведения, составляющие перечисленные подгруппы, дают возможность наблюдать покорное, даже радостное подчинение детей привычному порядку воспринимать мир и установившейся традиции высказываться о нем. Наряду с ними можно указать круг произведений, в которых выражается совершенно противоположное отношение к вещам и явлениям мира, возбуждающим детское творчество, — озорное стремление противоречить очевидности и логике. Это чуть ли не всемирно известные под разными названиями стишки-перевертыши или стишки-небыльщины (типа «Ехала деревня мимо мужика»), исполняемые то пением, то чтением-приговоркой.⁷⁵

По признаку отрицания очевидности и непризнания логики, а отчасти и по условиям бытования, сюда же можно отнести сказку — единственный вид детской устной словесности, представленный прозой. Говоря о детской сказке, надо иметь в виду творимую детьми сказку⁷⁶ и традиционную сказку в детской редакции. В детской редакции или передаче мы имеем традиционную сказку или как эпическое рассказываемое произведение,⁷⁷ или как «олицетворенный эпос», т. е. сказку, переработанную в игру.

6. В близком родстве с потешным фольклором находится сатирическая лирика: в произведениях детской сатирической лирики — тоже забава, основанная на умении найти «задирающее за живое», тоже потеха, только иного порядка. Это лирика осмеяния, по смыслу — сатира в общем значении этого слова.⁷⁸ В отношении формы, построения, содержания произведения, входящие в этот круг, распадаются на две большие подгруппы: к первой относятся дразнилки и издевки, ко второй — все виды поддевок.

Под издевками понимаются небольшие произведения в (3—6 стихов, больше — редко), исполняемые с целью высмеять человека. Исполняются они обыкновенно хором.

В отличие от издевки двустихная дразнилка, произносимая говорком, включает в себе шутку-прибаутку, привязанную к имени, прозвищу или какому-нибудь — действительному или выдуманному — недостатку высмеиваемого,⁷⁹ — сверстника, или

⁷⁵ См.: Можаровский А. Ф. Очерки жизни крестьянских детей... с. 134; Капица О. И. Детский фольклор, с. 99—103 и др.

⁷⁶ См.: Виноградов Г. С. Дитяча казка, с. 17—30. — Для бесписьменных народов о сказке как детской игре-забаве см.: Харузина В. Н. Игрушки у малокультурных народов. — В кн.: Игрушка. Ее история и значение. М., 1912, с. 85—139.

⁷⁷ См.: Никифоров А. И. Теперешний заонежский казкар-оповідач. — Етногр. вісн., 1922, кн. 9, с. 32—34; Ончуков Н. Е. Сказки одной деревни. — В кн.: Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, с. 409—412.

⁷⁸ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 5—7.

⁷⁹ Там же, с. 7—16; Капица О. И. Детский фольклор, с. 108—119.

беззащитного взрослого человека, или животного, или домашней птицы; городские дети адресуют дразнилки даже статуям в садах или на площадях.

Поддевка представляет собою или искусственный диалог, где следует ожидать возможности быть пойманным («поддетым») на слове (типа: «Скажи: двести. — Двести. — Сиди, дурак, на месте»), или диалог естественный, в котором человек ловится на слове совершенно неожиданно для себя.⁸⁰

Поддевki отличаются краткостью и четкостью. Нередко они, направленные из одного ведущего лагеря в другой, цепляются одна за другую, образуя длинный ряд взаимно расточаемых острот, разрастаясь в большой диалог; реплики одной стороны при этом носят наступательный характер, реплики другой — оборонительный. Цепь острот удлиняется по мере того, как увеличивается число вынужденных или желающих принять участие в словесном бою.

Указанными разновидностями не исчерпывается богатство поддевок. Нельзя оставить без внимания разнообразные издевки-заманки, представляющие собою сравнительно развитой диалог, в котором одно лицо направляет разговор, а другому остается пассивная роль, заключающаяся в повторении условной фразы или слова (типа: «Я пойду в лес. — Я тоже»)⁸¹

Менее разнообразны, но не менее примечательны поддевки-сны. Это краткие стихотворные повествования о вымышленных сновидениях, имеющие целью «поддеть» простака, выразившего готовность выслушать «сон» (типа: «Я видал во сне, будто я...»).

В заключение рассказ, где сон использован как литературный прием, ставит простака-слушателя в смешное, обидное для него положение.⁸²

Подобные диалоги, приуроченные к различным моментам детского житья-бытья, многочисленны и весьма разнообразны. Интересны ходовые диалоги, сотканые из острых замечаний отставшему или опередившему в беге товарищу, занявшему худшее или лучшее место на общей постели, сказавшему неосторожное слово, и т. п.

Таково, в кратком перечислении, содержание понятия «детский фольклор» и таков объем его.

3

Разнородный состав видов детского фольклора подсказывает мысль, что вопрос о происхождении и источниках этого отдела народной словесности представляется более или менее сложным.

⁸⁰ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 22—26.

⁸¹ Там же, с. 27—28.

⁸² Там же, с. 28—29.

Не одна русская народная словесность включает в себя как приметную часть детский фольклор; богато и разнообразно представлен он в устной словесности украинцев, белорусов, южных и западных славян и всех европейских народов; богат и разнообразен по составу детский фольклор у народов всех материков,⁸³ как и у народов нашей страны.⁸⁴

Наличие в составе фольклора всех, видимо, бесписьменных народов особого отдела детской словесности делает едва ли не неизбежным, во всяком случае — возможным, допущение о существовании русского детского фольклора в прошлых веках, в ранние эпохи нашей исторической жизни, но каких-либо памятников, прямо или косвенно свидетельствующих об этом и позволяющих судить о составе и характере нашей древней словесности, не сохранилось. О составе и характере детского фольклора прошлых столетий можно судить только предположительно, на основании сравнений его с тем, что мы знаем о нем в наше время. В XIX—XX вв. наш детский фольклор в большей части его объема представляет собою извод из устной поэзии взрослых, особый ее вид или одну из ее стадий. Можно думать, что такое же соотношение между детским фольклором и устной поэзией взрослых было и в прошлом. Наши сведения о народной поэзии XVII—XVIII вв., при всей их количественной ограниченности, позволяют утверждать, что состав и формы ее консервативны, держатся упорно и долго, что она испытывала те же изменения, что и в последующее время, только, вероятно, в более медленных темпах; то, что в ней мало-помалу отмирало, едва ли сразу забывалось; вероятно, оно поступало «мальчишкам в забаву» и в своей совокупности составляло детский фольклор тех столетий. Видимо, подобный ряд соображений подсказал А. С. Пушкину, поэту-историку, мысль о том, что детская сатирическая лирика в конце XVI—начале XVII в. — по условиям бытования, по назначению и по характеру — та же, что и современная ему устная детская сатира, и текст дразнилки, которую он влагает в уста мальчишек, преследующих юродивого («Борис Годунов», Площадь перед собором в Москве), не был бы необычным в репертуаре детей последующих столетий.

Говоря о современном детском фольклоре как об изводе из фольклора взрослых, надо иметь в виду большую часть объема детского фольклора, но не весь его объем. Нельзя пренебречь высказываниями психологов и писателей, наблюдавших жизнь детей и детских обществ, о детском художественном творчестве

⁸³ Ср. библиографию: Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 172—189.

⁸⁴ См.: Пещерева Е. М. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана. Ташкент, 1925; Старцев З. А. Коми фольклор. (Его изучение и значение, жанры, детский фольклор). Сыктывкар, 1933; Василевич Г. М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, вып. 1. Л., 1936 и др.

в слове, его силе, обнаружениях и характерных особенностях (Л. Н. Толстой, Г. Холл, Т. Рибо и др.). В их показаниях содержится немало убедительных данных о самостоятельном поэтическом творчестве детей разных народов и разных слоев населения. В согласии с ними находятся наблюдения этнографов и фольклористов над бытом и художественным творчеством в детских массах у народов примитивной культуры, у культурных горожан, у мещан, рабочих и крестьян в разных странах. Можно привести немало фактических данных, показывающих, что некоторые произведения детской поэзии, возникшие и вошедшие в репертуар детских масс на глазах наблюдателей, представляют собою плоды вполне самостоятельного детского словесного творчества. Чаще всего это произведения из области детской сатиры⁸⁵ или из области детской сказки,⁸⁶ реже это жеребьевки⁸⁷ или песенки-новотворки.⁸⁸ При всем том надо сказать, что в опубликованных записях фольклористов подобные материалы не часты.

В подавляющем числе случаев детское словесное творчество выражается в переработке готового материала и приспособлении его к нуждам и потребностям детского быта. Обыкновенно таким операциям подвергаются произведения из фольклора взрослых, взятые полностью или — гораздо чаще — в извлечениях. Новые устные произведения получают путем комбинирования отдельных частей разных текстов, причем взятые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Заимствования делаются из разнородных песен, заговоров, скороговорок, загадок, сказок.⁸⁹ Многие тексты календарного фольклора, например детские рацейки, как сказано, являются прямыми потомками обрядовых песен, колядок, исполнявшихся прежде взрослыми.⁹⁰ Немало можно указать текстов детской устной словесности, являющихся неприкосновенным или перестроенным, переработанным позаимствованием из книжных произведений: из стихотворений разных авторов, из опер, водевилей и пр.⁹¹ Заметное место среди произведений детского фольклора (главным образом считалок) занимают иноязычные тексты, неприкосновенно или с некото-

⁸⁵ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 11—13, 25; Рыбникова М. А. Детский фольклор и детская литература, с. 161, 163.

⁸⁶ См.: Виноградов Г. С. Дитяча казка, с. 23—25.

⁸⁷ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 113—114.

⁸⁸ См.: Капица О. И. Фольклор в современной детской книжке. — Книга детям, 1929, № 2—3, с. 21—28.

⁸⁹ См.: Виноградов Г. 1) Детская сатирическая лирика, с. 43—44; 2) Русский детский фольклор, с. 15—18, 126, 131—132, 217, 224—228.

⁹⁰ См.: Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности, с. 74, 102; Харузина В. Н. Об участии детей в религиозной обрядовой жизни, с. 1—78.

⁹¹ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 24—25, 121—122, 131—133, 218, 220.

рыми изменениями включенные в репертуар русских детей. В русском репертуаре оказались тексты французские, немецкие, польские, еврейские, татарские, грузинские и др.⁹² Иногда (это происходит обыкновенно в пограничных областях, где народности или племена приходят в близкое культурное взаимодействие) наблюдаются многообразные переплетения разноязычных элементов в детской устной поэзии; детская среда берет или сохраняет при использовании чужезычный текст не полностью, а только частями, даже отдельными словами:⁹³ например, в игровые прелюдии детей украинцев Приморья проникли элементы корейского языка, в тексты детворы северного побережья Байкала проникли тунгусские слова;⁹⁴ равным образом слова, отдельные стихи или полные тексты русских прелюдий включаются в чужезычный репертуар: например, дети обских остяков пользуются русскими считалками.⁹⁵

Заимствования из иноязычной устной словесности в одних случаях обусловлены близким соседством и возникающим при этом условии двуязычием соседствующих народов. В других они объясняются разносторонностью детского общества, в котором были иногда объединены представители разных слоев населения, грамотные и неграмотные дети, сельские школьники, немногие воспитанники бурс, институтов, гимназий, приносящие в простонародную детскую среду новые запасы произведений, в том числе и тексты на чужом языке. Процесс передачи и усвоения облегчался свойствами и особенностями детского фольклора: везде, у всех народов много общего в условиях его бытования, поэтике и музыке.

4

Главнейшие виды детского фольклора у многих народов имеют много сходных черт, начиная с объема и построения. Произведения детской поэзии европейских народов, как и народов других материков, характеризуются небольшим объемом (в среднем 4—12 стихов) и элементарной композицией. Главные формы, которые встречаются в произведениях детского фольклора, устойчивы или постоянны. Как описание или как портрет-характеристика строится большая часть издевок, многие считалки. Как повествование строится иногда издевка, часто — счи-

⁹² Там же, с. 23, 80—82, 118, 125, 221 (ср.: Lewalter-Schläger. Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Kassel, 1911, S. 61 (N 192 и примеч.), 319; Bett H. Nursery rhymes and tales. London, 1924, p. 82; Meier J. Wege und Ziele der deutschen Volkskunde-forschung. Deutsche Forschung. H. 6. Berlin, 1928, S. 31); Капица О. И. Детский фольклор, с. 127; Гинзбург С. М., Марек П. С. Еврейские народные песни в России. СПб., 1901, с. 77.

⁹³ См.: Reuschel K. Deutsche Volkskunde im Grundriß, H. 1. Leipzig, 1920. S. 97.

⁹⁴ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 81, 125, 228.

⁹⁵ Там же, с. 118.

талка и сечка, постоянно — сказка. Соединение в одном произведении той и другой формы — явление частое. Наиболее употребительной формой является диалог. Поддевки строятся исключительно как диалоги с неодинаковым каждый раз числом компонентов; попрошайки обычно представляют собою диалог, в котором последний или предпоследний компонент иногда поется; переключки с невидимкой («эх») дают всегда большой или малый диалог; некоторые считалки строятся в диалогической форме. В отдельных случаях диалог входит звеном в произведения смешанной формы, где он примыкает к описанию или повествованию.

В эти формы укладываются все виды дразнилок и издевок (портрет, прозвище, эпиграмма, посрамление), вызванные желанием остановить внимание на внешнем облике осмеиваемого, на его характерных чертах, на чьих-либо действиях и поступках и пр. В основе дразнилок и издевок часто лежат формулы осмеяния, построенные как рифмованные прозвища, за которые цепляются обозначения признаков, действий и состояний, действительных или приписываемых осмеиваемому лицу. Желаемый эффект достигается различными приемами. Едва ли не на первом месте надо поставить умелое размещение в малом объеме с использованием кратких предложений необходимого для поставленных целей словесного материала. Логические ударения на последнем слове в стихе и отнесение смысловых доминант предложений — глагольных форм — к концу стихов задерживают внимание, заставляют ощущать каждый новый момент и направляют внимание слушателя в одну сторону. Стремительно набрасывается, таким образом, мазок за мазком, — и создается резкий, подчас грубый, но выпуклый образ. Часто в тех же целях применяется прием каламбурного осмысления имен — выведение из одного корня слов, этимологически неродственных («Витька» — «ветер», через «Витя» — «витирок»; «Женька» — «женюся» и т. п.).

Видное место занимают различные выражения субъективного отношения к вещам и лицам, вовлекаемым в круг объектов осмеяния, сказывающегося в преднамеренном и настойчивом выпучивании, умалении, поругании, в широком применении уменьшительных форм в качестве уничижительных. Во многих случаях уничижительная форма имен и прозвищ обостряется через привлечение эпитетов и сравнений. Обычно используются эпитеты субъективные, подсказанные настроением, а не простым и спокойным наблюдением изображаемого. Большая часть эпитетов — приложения, то простые, эпитеты-прозвища (типа «Петька-петух», «Мишка-медведь»), то составные (типа «Шурка-бурка-длинный нос», «Анна-банна-нога деревянна»). Поэтика детской сатиры отбирает эпитеты, созвучные с определяемыми словами. Гиперболизм свойствен сатире несомненно более, чем другим видам детского словесного творчества. Гиперболы разных видов в произведениях сатирической лирики часто слишком неестественны

и громоздки (типа: некто съедает за один прием корову да быка, пятьсот поросят).

При наличии большого числа составных эпитетов детская сатирическая лирика имеет очень незначительный запас эпитетов сложных (типа «мохноногий»). Этот недостаток поэтических средств изображения восполняется использованием сравнений. Сравнения детской сатиры стоят в ближайшей связи с миром, окружающим исполнителей издевок: объектами сравнений являются предметы, находящиеся у детей всегда перед глазами. В отношении выражения одни сравнения передаются при помощи слова «как» (типа «как клубок»), другие представляют собою обстоятельства в творительном падеже (типа «голова сучком»).

Исполнители стихотворных произведений детской словесности (а не стихотворна у детей только сказка) соотносятся с законами ритма и меры, подсказанными непосредственным чутьем. Ритм и мера строжайшим образом соблюдаются и не могут не соблюдаться в считалках и сечках; в других видах детской словесности, например во многих произведениях сатирической лирики, допускаются перебои, т. е. вольности, нарушающие ритм и размер. Чутко относясь к складу стихотворной речи, предназначенной для произнесения (например, в считалках, сечках), в произведениях хоровой поэзии, т. е. предназначенных для пения, исполнители не всегда замечают нарушения ритма и меры. В пении «ухабы», или перебои ритма, прикрываются протяжением отдельных гласных, затем — фонетической деформацией слов: перемещением ударений и использованием наличных акцентных дублетов; в отдельных случаях в тех же целях пользуются вставками частиц и слов, не заключающих в себе никакого определенного содержания (так называемые заумные слова).

В произведениях детского фольклора наблюдается ясно выраженная тенденция (обусловливаемая преобладанием ямбических и хореических размеров) избегать как малосложных, так и слишком многосложных стихов. Число слогов в стихах одного текста обыкновенно колеблется в пределах от 3 до 5, от 4 до 7, от 6 до 8; отклонения сравнительно редки. Встречаются произведения с одинаковым количеством слогов (и ударений) в каждом стихе. В отдельных случаях наблюдаются парами трех- и четырехсложные стихи, семи- и восьмисложные или правильно чередуются четырех- и шестисложные, восьми- и семисложные. В значительной части текстов (чаще всего издевок) каждый стих несет на себе 2 или 4 ударения.

Преобладание хореических и ямбических размеров едва ли случайно: видимо, ямбо-хореическая артикуляция наиболее свойственна детям. Использование главным образом этих двух размеров отражается на музыкальной стороне произведений, внося некоторое разнообразие в исполнение. Мелодия большей части

произведений детской словесности очень несложна, и в исполнении их каких-либо забот о художественной выразительности не наблюдается. В зависимости от использования хорей или ямба меняется мелодия: хорейский размер дает ей окраску живости, задора; ямбическое построение несколько замедляет темп.

В размерах часто наблюдаются перебои, так как доминирующие метры (ямб и хорей) свободно допускают многообразные замены и смены одной стопы стопой другого порядка; с внесением малых цезур заметно меняется ритм. Ямбические и хорейские формы являются господствующими, но они часто нарушаются внесением других метров, образованных стопами, расположенными в произвольной последовательности. В некоторых случаях мы встречаемся с особенностями народного стиха, где не всегда применимо деление на стопы и невозможно четкое определение размеров.

Среди произведений детской устной словесности встречается значительное количество с одними мужскими рифмами; есть и с одними женскими окончаниями; обыкновенно же наблюдаются произведения на два ряда окончаний; чередование мужских и женских рифм в одних случаях правильное, в других — неправильное. Большим числом текстов представлены рифмы парные, или смежные (по схеме а—а—b—b); нередко рифмические периоды с прерванной рифмой, т. е. с нерифмующими нечетными стихами (а—b—с—b), к которым можно отнести и тексты с нерифмующими четными стихами (а—b—а—с); в некоторых четверостишиях рифмуют или первые два, или последние два стиха (а—а—b—с, а—b—с—с). Трехстишия обыкновенно бывают построены на одной рифме и срифмованы по разным схемам (а—а—а, а—а—b, а—b—b). Рифмические периоды в пять стихов строятся на двух рифмах (а—а—а—b—b или а—а—b—b—b), иногда с симметричным расположением рифм (а—а—b—с—с). В некоторых текстах встречаются приближения к точной рифме. Кроме рифм-концовок, наблюдаются рифмы строчные, т. е. созвучия, получающиеся рифмованием отдельных слов в разных местах внутри стиха.

Богатство рифм и разнообразие приемов пользования ею, надо думать, находятся в связи с обилием и разнообразием источников, питающих детское словесное творчество.

Рифмы — не единственный вид «украшающих» средств устной детской поэзии. Дети вступают в общение с окружающим миром через звуки. Внимание и любовь к звукам нашли выражение и в детской обыденной речи, и в поэтической, с наибольшей полнотой — в считалках. В считалках, в зависимости от их назначения и характера, образно-смысловые элементы отодвинуты на второй план и господствует звуковая сторона, хотя она и не является преднамеренно подчеркнутой. Подсознательный выбор звуков дает в результате гармонию гласных, звуковые повторы, аллитерации, — то, что принято называть звуковой инст-

рументовкой. Гармония гласных особенно строго соблюдается там, где устранены все преграды, мешающие выбору звуков, в полной мере отвечающих эстетическому вкусу, — именно в текстах с большим числом заумных стихов (а: «каба-каба-кабака, была яма глубока»; е, э: «эксэн-бэксэн, барба-клэцкем» и т. п.). Звуковые повторы и аллитерации рождаются благодаря пристрастие к тем или иным определенным звукам и их сочетаниям; обыкновенно это слова звукоподражательного смысла, игра свистящими, шипящими, губными. В немногих случаях, но встречается инструментовка на один звук (з: «пузо-вузо Лаперузо» и т. п.); более часты случаи инструментовки на два согласных (ш, л: «шишел, вышел, вон пошел, надел шапку и ушел» и т. п.). Излюбленная инструментовка — на сочетание ст («турстень-перстень», «косток-мосток» и т. п.).

В отдельных случаях ставятся и посылно разрешаются более сложные задачи: сочетание звукописания с тематикой (ц: «ца-паца — постригается овца, завтра масленица»; ср. лязганье ножиц при стрижке овец); сочетание звукозаписи с патетикой (н: «на няню сказали, няня клянется: не я» и т. д.).

Если текст состоит из слов, не дающих звукописи, инструментовка создается использованием осознанного приема, заключающегося во введении правильно повторяющихся чередований звукоподражательных или парных слов («чики-брики», «цынзы-брынзы» и т. п.). Заумный элемент встречается и в устной поэзии взрослых, но в детском фольклоре он несравненно богаче и несет более разнообразные функции. Точно так же и названия чисел изредка встречаются в поэзии взрослых, но нигде, ни в каком другом виде словесных произведений они не присутствуют столь изобильно, как в детском фольклоре, а именно в считалках. Количественный и порядковый счет, для всех других литературных видов — внелитературный материал, здесь приобретает совершенно иное значение. В одних случаях числительные не подвергаются никаким внешним изменениям («раз, два — кружева, три, четыре — прицепили» и т. д.), но самим включением в ткань стихотворного произведения этот внелитературный элемент принимает иную окраску, иной характер, иное эмоциональное и даже смысловое насыщение; в других случаях он изменяется при этом и в отношении формы (первый, второй — «первишки, другишки; первешки, другешки; перводан, другодан» и т. п.). Больше изменений претерпевают числительные количественные, которые к тому же находятся в большем употреблении, нежели числительные порядковые; наряду с обычными числительными во многих текстах встречаемся с формами видоизмененными или совершенно новыми («один» или «раз» — «ази», «анзи», «ранцы», «разум», «анчин», «раджи», «разин», «ранзен», «айс», «аз», «азики»; «два» — «дванзы», «дванцы», «двазум», «дванчик», «дваджи», «двазин», «дванзан», «звай», «двазики» и т. д., кончая числом «десять»). Эти названия чисел

идут из разных источников: некоторые образуются через изменение слов по тому принципу, которым дети пользуются при создании искусственных, в частности секретных, языков («анзы», «ранзы» и т. д.).⁹⁶ В считалке подобные образования вызваны не необходимостью сокрытия тайны, а установкой, свойственной разговорам, на непонятное, таинственное. Отказом от общеупотребительных названий чисел художник, положивший начало счету необычному, хотел бы, по-видимому, повесить впечатление от будничной категории слов, сообщить характер необычности, придав им форму и обличье зауми. Если возможность необычных форм понятна, то происхождение многих слов — названий чисел — не всегда ясно. Значение отдельных слов узнается по связи их с другими словами того же порядка (например, значение слова «волынзы» определяется положением его между «тринзы» и «пятам»; значение слов «латам», «шума» и др. определяется положением их после «пятам»). Вероятно, в этих названиях чисел мы имеем дело с влиянием словаря картежников (ср. детские числительные «дуб», «крест» с названиями карт «буби», «крести»; ср. также текст считалки «на колоде сыграл, пятьсот снял»). Разными путями в русскую считалку проникли из чужих языков слова — заместители числительных (нашим «пяда», «лада», «деревен» соответствуют «pade», «lade» чешской считалки, «дервен» считалки болгарской).

Счетные слова, как и заумь, несут не одну функцию — служить «украшением» произведения или заменять аккомпанемент; они служат и композиционным целям: вплетаясь в произведение, перевивают отдельные его компоненты дважды, трижды или многократно и дают лексические повторения, в которых выявляется музыкальная стихия жанра, объединяют словесные массы в некоторую совокупность, соединяют отдельные части в стройное единство. По лексическим повторениям, как по ступенькам, часто разворачиваются считалки, построенные в диалогической форме («Цынцы-брынцы, куда? — Цынцы-брынцы, на базар» и т. д.). Этим приемом совершается перестройка прозаического текста в стихотворное произведение. Чтобы заставить прозаический текст звучать подобно стихотворению, в готовую словесную ткань требуется ввести несколько стройных звуков или рядов их и заставить их возвращаться через правильные промежутки времени. Влитые и затем то и дело возвращающиеся одни и те же сочетания звуков («чики-брики», «атум-батум» и т. п.) создают впечатление стройной рифмы, намечающей паузы и разделяющей сплошную речь на части. Это придает другой строй и новый характер исполняемому словесному произведению. (Прозаический диалог звучал бы так: «Ты куда? — На базар. — Зачем? — За овсом. — Кому? — Коню» и т. д. Перестроенный, он звучит мерно, как

⁹⁶ См.: Виноградов Г. С. Детские тайные языки. — Сибирская живая старина, 1924, № 2, с. 87—112.

стих: «Чики-брики, ты куда? — Чики-брики, на базар. — Чики-брики, ты зачем? — Чики-брики, за овсом. — Чики-брики, ты кому? — Чики-брики, я коню» и т. д.)

Подобно зауми применяются и счетные слова. Иногда они образуют начин считалки («Раз, два, три, четыре — меня грамоте учили» и т. д.). Часто они составляют первый стих компонентов, входящих в состав большого текста считалки и образующих в нем ритмические ряды. Ритмический ряд начинается или одним и тем же стихом, т. е. счетом, в каждом ряде возвращающимся к началу («Раз, два три — это, верно, ты. Раз, два, три, четыре, пять — это, верно, ты опять. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь — это, значит, ты совсем»), или счетными словами, бесперебойно идущими от компонента к компоненту, как из ступени в ступень («Раз, два — кружева; три, четыре — прицепили; пять, шесть — кашу есть» и т. д.). В таких случаях комбинирования основной ткани текста с заумью или счетными словами всему произведению сообщается своеобразный и стойкий характер, основанный на единстве общего впечатления. Подобное же наблюдаем и в случаях кольцевого построения считалки, когда стих из счетных или заумных слов, начинающий произведение, повторяется в замыкании.

Считалка представляет наиболее законченную форму детской устной словесности и оценку поэтов получила бесспорную. Считалка вливается возбуждающей струей в творчество В. Брюсова.⁹⁷ Вообще же нужно сказать, что мелодии детского фольклора должным образом еще не записаны и мы имеем весьма слабое представление о народной детской музыке.⁹⁸

5

Временем исполнения большей части видов детского фольклора являются весна и лето. Постоянное исключение составляет некоторая часть календарного фольклора: рождественские рацейки, колядки, новогодние поздравления. Неполностью подчиняются

⁹⁷ См.: Брюсов В. Детская. — В кн.: Пути и переутья, т. 2. М., 1908, с. 20; а также: Ашук и Н. Зарницы. М., 1923, с. 36—38 и др.

⁹⁸ Записи мелодий в небольшом числе даны в кн.: Гусельки. 115 колыбельных, детских и народных песен и прибауток, с голосами и с аккомпанементом фортепьяно. Собр. Н. Х. Вессель и Е. К. Альбрехт. СПб., 1876; здесь даны народные напевы, видимо не подвергшиеся изменениям со стороны собирателей. С переработкой народных мотивов положены на ноты несколько произведений детского фольклора в сборнике А. К. Лядова «Восемнадцать детских песен на народные слова» (СПб., 1887), несколько песен в приложении к статье Г. Виноградова «Детский народный календарь», в книге Орлова «Нгу а písň děti slovanských». В последней книге дано (из разных источников) несколько нотных записей русских игровых песен и близких им инославянских. Музыкальных записей, полностью отвечающих научным требованиям (выполненных при помощи фонографа), мы еще не имеем.

этому приурочению произведения сатирической лирики (поддевки разного рода), отчасти произведения потешного фольклора, например сечки, сказки; постоянное присутствие взрослых членов семьи в доме в холодную часть года стесняет или оттесняет детей-сказочников, искусство которых с большей полнотой раскрывается в своей, детской среде.

По связи с временем года определяется и место исполнения произведений детской словесности: обычно это происходит на улице, т. е. под открытым небом. Исключение составляют (и то, кажется, не везде) произведения календарного фольклора (святочные и новогодние, которые поются в избах), отчасти произведения потешного фольклора (сечки, сказки) и поддевки, исполнение которых не строго и не постоянно связано с каким-либо местом.

Хранители и исполнители произведений рассматриваемой ветви народной словесности — дети в возрасте от 6—7 до 12—13 лет, мальчики и девочки. Весь или почти весь состав детской словесности каждой данной местности хорошо известен тем и другим, но репертуар мальчиков и репертуар девочек все же различаются. У мальчиков на самом видном месте стоят произведения сатирической лирики, девочки ими пользуются заметно реже; главное в содержании репертуара девочек — песенки и считалки; мальчики пользуются тем и другим, но, видимо, с меньшей охотой и с меньшим искусством. Переключки («эхо»), сечки, жеребьевки исполняют почти исключительно мальчики; то же надо сказать о произведениях календарной словесности — рацейках, колядках, новогодних поздравлениях. Обновки, прощанье и т. п. более всего знакомы девочкам. Одинаковое положение в репертуаре тех и других занимают голосянки, молчанки, песенные заговоры.

Среди исполнителей и исполнительниц разного рода словесных произведений надо различать рядовых участников игр, забав и общественной детской жизни и мастеров, артистов. Рядовые члены детских групп знают, например, 3—4 текста считалок; репертуар мастера содержит 10 и более текстов.

Репертуар школьников и школьниц в количественном отношении много богаче и по составу разнообразнее репертуара неграмотных детей. То же соотношение для отдельных видов фольклора, например для считалок, наблюдается между репертуаром городских детей и детей деревенских. Сельские неграмотные дети — хранители бытовых и поэтических традиций; дети-школьники, особенно горожане, — нарушители преданий, обновители состава детского фольклора в той или другой его части.

В тех видах фольклора, которые представлены исключительно или почти исключительно традиционными произведениями (считалки, сечки, молчанки, рацейки), одаренность исполнителей обнаруживается в незначительных изменениях текстов или комбинировании отрывков различных текстов в новые соединения, приспособлении их к потребностям того или иного момента. Другие

виды детской устной словесности (сатирическая лирика, жеребьевки, сказки) допускают более широкое приложение дарований, и здесь можно наблюдать не только новые редакции традиционных текстов, но иногда и новые произведения разных достоинств — то не получивших полного одобрения в детском обществе и скоро забытых, то признанных годными к употреблению и вошедших в местный репертуар.

6

Почти все наблюдения, касающиеся происхождения, бытования, поэтики основных видов русского детского фольклора, приложимы к детскому фольклору иноязычному. Например, считалки, которые носят в разных местах и у разных народов различные названия, везде употребляются с одинаковыми целями, имеют один общий смысл, несут одни и те же свойства. Достаточно указать на белорусские и украинские личилки,⁹⁹ сербские и болгарские брояници, чешские ročitadlo, польские kurzu rasięrz, представленные в специальной литературе довольно богато,¹⁰⁰ немецкие Abzählreime, Auszählreime, Abzählverse, известные в многочисленных записях,¹⁰¹ английские coutind-out,¹⁰² французские formulettes d'elimination,¹⁰³ арабские, еврейские и многих других народов разных материков.¹⁰⁴

Отдел детского фольклора, обозначаемый как песенные заклинания, представлен несравненно меньшим числом текстов, но географическая распространенность и устойчивость его не менее поразительны. Обращения к растениям, насекомым, птицам, к стихиям также всюду невелики по объему и везде имеют один — обыкновенно двух- или трехчастный — строй.¹⁰⁵ Теми же чертами характеризуются произведения этого старейшего из жанров и в иноязычном фольклоре.¹⁰⁶

⁹⁹ См.: Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край... , вып. 4. СПб., 1875, с. 36—51; Иванов П. В. Игры крестьянских детей в Купянском уезде. — В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. 2. Харьков, 1889, с. 13—27 и др.

¹⁰⁰ См.: Orlov S. P. Hry a pisně děti slovanských, s. 78—81.

¹⁰¹ См.: Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel.

¹⁰² См.: Bett H. Nursery rhymes and tales, с. 48—49, 56—63 (даны в сопоставлении с немецкими и французскими считалками).

¹⁰³ См.: Rolland E. Rimes et jeux de l'Enfance. Paris, 1883, p. 252.

¹⁰⁴ См.: Bolton H. The couting-out rhymes of children, their antiquity origin and distribution. London, 1888. Из наших современников см.: Winkler H. A. Die Aleph-Beth-Regel. Eine Beobachtung an Sinnlosen Wörtern in Kinderversen, Zaubersprüchen und Verwandten. — In: Orientalische Studien. Enno Littman zu seinem 60 Geburtstag. Leiden, 1935, S. 1—24.

¹⁰⁵ См.: Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт, с. 26—28; Сумцов Н. Ф. Культурные переживания, с. 322—323; Капица О. И. Детский фольклор, с. 67—76.

¹⁰⁶ См.: Eckenstein L. Comparative studies in nursery rhymes. London, 1906, p. 89—103; Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 22—27.

Некоторые виды русского потешного фольклора, например школярные песенки, также находят себе параллели в иноязычном фольклоре,¹⁰⁷ то же можно сказать о календарном детском фольклоре.¹⁰⁸ Даже не представленные значительным числом текстов произведения детской сатиры, построенные в форме диалога, имеют полное соответствие в иноязычном детском фольклоре.¹⁰⁹

Сравнительное изучение детского фольклора имеет особую привлекательность и обещает положительные результаты. В первых же опытах его применения оно способно повлиять положительным образом на приток сведений, относящихся к обширной теме о путях возникновения и развития поэтических жанров и к не менее обширной теме о путях культурного взаимовлияния народов, так или иначе приходивших между собою в соприкосновение (см. раздел 3).

Теоретическое, или научно-философское, значение детской устной словесности определяется той ролью, которая выпадает на ее долю в общем движении фольклористики. Перед фольклористами давно поставлен и в значительной мере освещен вопрос о создателе и носителе устной поэзии, — изучение детского фольклора выясняет один из частных, но важных примыкающих сюда вопросов: с каким запасом материалов, художественных образов, средств языка, литературных приемов и пр. растет в тот или иной момент, в ту или иную пору жизни поколение, в зрелом возрасте выделяющее из своей среды сказителей, певцов, потешников-балагуров. Для фольклориста-теоретика интересны «бесконечно малые величины» — исходные формы произведений народной словесности, — внимание к детскому фольклору обогащает его не только материалами для суждений о синкретизме народной поэзии, но и запасами предельно простых форм описания, повествования, диалога, сжатых и грубовато-простых зачатков сатиры, элементарных литературных приемов (сон как литературный прием; письмо как литературный прием и т. п.) и пр. Фольклорист дорожит возможностью видеть все условия бытования и все аспекты жизни того или иного вида устно-словесных произведений, — изучение детского фольклора открывает перед ним возможность для наблюдения за существованием известной части произведений общего фольклора (песни, сказки, заговоры, загадки) в двух аспектах: в устах взрослых носителей и в устах представителей детской среды. Для уяснения не безразличных фольклористу судеб народной поэзии внимание к детскому фольклору открывает ряд словесных произведений, которые, пере-

¹⁰⁷ См.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор, с. 24, 131, 132; ср.: Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 30—31.

¹⁰⁸ См.: Сумцов Н. Ф. Французская народная поэзия сравнительно с русской. — Книжки «Недели», 1893, ноябрь, с. 181—182.

¹⁰⁹ См.: Виноградов Г. С. Детская сатирическая лирика, с. 27—28; Капица О. И. Детский фольклор, с. 117; Wehrhan K. Kinderlied und Kinderspiel, S. 27—30, 71.

став существовать в среде взрослого населения, выпав из состава его репертуара, спустились в другую среду — «мальчикам в забаву»; перед фольклористом здесь — процесс отмирания жанра, ухода его из одной среды носителей в другую среду и вместе — процесс перерождения одних жанров в другие. Для исследователя словесного искусства и ученого-музыканта здесь открывается еще один интересный момент: воспринятое из среды взрослых и приспособленное для новых нужд в детской среде, постепенно забываясь, окончательно погибает или, привлекая внимание музыкантов и художников слова (напоминаю Ашукина, Брюсова, Гречанинова, Мусоргского, Лядова), питает их творчество, претворяется в нем и, в преображенном виде, возвращается в среду взрослых иного культурного уровня. Для фольклористов — историков быта и этнографов детский фольклор дает материал к теме о культурных «переживаниях» (элементы утраченных верований и культов) и исторических воспоминаниях (татарщина, крепостное право и пр.), — материал, не сохраненный другими видами народной словесности.

Эти общие замечания показывают, что детский фольклор — не случайное собрание бессвязных явлений и фактов, представляющее собою «маленькую провинцию» фольклористики, интересную для психолога и представителя научной педагогической мысли или преподавателя-практика и воспитателя; детский фольклор — полноправный член в ряду других, давно признанных отделов фольклористики.